

А. Н. Власов А. N. Vlasov
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

Фольклоризм как стилевая доминанта в авторских нарративах (Словари краеведов)

Folklorism as a style dominant in authors' narratives (Based on local historians' dictionaries)

Аннотация

Статья представляет собой попытку обозначить специфику фольклоризма в краеведческих повествованиях (на материале словарей местных говоров). Цель составления таких словарей — продемонстрировать особенности местного говора («говóри»). Увлечение составлением местных словарей можно рассматривать как проявление «саморефлексии» народной традиции и как особый тип фольклоризма. Назовем подобное проявление фольклоризма стилевой доминантой, формирующей повествование в соответствии со стилевой направленностью, свойственной данной культуре, независимо от принятых жанровых форм. Таким образом, возникает возможность появления индивидуальных жанровых модификаций, расширяющих границы понятия фольклоризма.

Ключевые слова: фольклоризм, стилистический фольклоризм, стилевой фольклоризм, стилевая доминанта, краеведческие словари, источниковедческий «свод», нарратив, жанровые модификации

Abstract

The present article is an attempt to define, based on the materials of local dialect dictionaries, the specificity of folklorism in local history narratives. The objective of composing such dictionaries is to demonstrate the features of local dialects (“govori”). Fascination with composing local dialect dictionaries can be considered as a manifestation of “self-reflection” of folk tradition and as a distinctive case of folklorism, which may be described as a style dominant, because it forms a narrative accordingly to the given culture’s style features. Thus, there emerges the opportunity of the manifestation of distinct and individual genre modifications, which expand further the folklorism concept.

Keywords: folklorism, style folklorism, style dominant, local history dictionaries, source-study codex, narrative, genre modifications

DOI: 10.31860/0136-7447-2018-36-135-148

Проблемы фольклоризма в отечественных исследованиях разрабатывались в нескольких направлениях. Традиционно это явление рассматривалось как особый художественный прием, оказавший огромное влияние на образный мир произведения. Выявлялась роль народного словесного творчества в истории литературы, велась разработка проблем фольклоризма в литературе и общественной мысли¹.

¹ Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 23–24.

Использование поэтики фольклорных жанров для создания нового дискурса происходит тогда, когда авторы литературы Нового времени осваивают фольклорную поэтику не для «перевода» жанров в литературную сферу, а для создания принципиально новой поэтики на основании традиционной. Почти всегда при этом происходит жанровый, а, соответственно, и функциональный переход от композиционных схем и образов до интонации и ритма².

А. А. Горелов еще в конце 70-х гг. ввел понятие «*стилистического фольклоризма*»³. К основным методологическим принципам, на которые он опирался, относятся следующие.

Исследователь совершенно справедливо предупреждает, что злоупотребление термином «фольклоризм» ведет «к досадному искажению представлений о процессах литературного творчества, к нивелировке писательских индивидуальностей, вызывает естественное побуждение исследователей к уточнению *границ термина*»⁴, соответственно, уточнению объекта анализа и повышению аналитической точности.

Под термином «фольклоризм» исследователь понимал следующее: «многие факты истории письменного слова, эволюции его поэтических стилей и языка побуждают изучать общественный смысл (эхо), уяснять эстетическую природу этого явления»⁵. Одним словом, А. А. Горелов рассматривает фольклоризм как особое художественное явление, имеющее более широкое значение. Оно является, в конечном счете, одним из важных связующих звеньев между устной и письменной культурой.

Что касается исторических изменений характера фольклоризма, то они зависят от состояния народной культуры и приобщенности писателя к той или иной бытовой среде, слою народной культуры. Речь идет, прежде всего, о вводимом в научный обиход понятии «*стилистического фольклоризма*». «Пристальное рассмотрение фольклорно-стилизующих черт русской поэзии наших дней позволяет наблюдать в избытке деформации, искажения традиционных символов, идиоматики, значений лексических заимствований из народного творчества»⁶.

Для исследователя принципиально важно подчеркнуть эстетическую сущность фольклора, на основе которой и возникает явление фольклоризма в литературе.

² Головин В. В., Николаев О. Р. «Узелковое письмо» фольклоризма литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей. М., 2013. С. 49.

³ Горелов А. А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Т. 19. Л., 1979. С. 33.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же.

«Среди образов-символов есть и символические персонажи, носители определенных подразумеваемых черт, функций, мыслимые — соответственно их традиционным значениям — скрепленными с устойчивыми ситуативными смысловыми положениями, мотивами-спутниками, подчас с целыми сюжетными схемами, которые в искусстве извечно ассоциируются с основным смысловым содержанием данного образа и обстановочно-событийно конкретизируют его»⁷.

Однако эти направления, очевидно, не исчерпывают все подходы к решению проблемы фольклоризма. Попробуем сформулировать их на новом материале и обратимся к краеведческим материалам.

Краеведческие сочинения дошли до нас в разнообразных жанровых формах: исторического, этнографического, бытового и биографического очерков, повестей, рассказов и газетных статей местных краеведов, мемуарах и других жанровых формах, и все они испытали влияние фольклоризма в качестве стилиевой составляющей. Особое место в этом жанровом перечне краеведческих повествований занимают Словари местных говоров. Цель составления таких словарей — продемонстрировать особенности местного говора («говори»), и соответственно, они воспринимаются как один из способов самоидентификации определенной группы населения.

Среди простых форм Словарей, представляющих фиксацию лексического состава местного говора, можно назвать следующие: «Поморская говоря»⁸, «Вилегодская говоря»⁹, «Устьянский народный словарь»¹⁰ и множество других подобных. Традиция составления таких словарей, очевидно, восходит к составлению древнерусских лексиконов и азбук. Однако оставим это, как предмет все-таки лингвистических исследований. Кроме того, мы выносим за рамки нашего исследования Словари, предшествующие современным областным академическим словарям, таким как: «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова¹¹; «Словарь областного олонечкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого¹²; «Словарь областного вологодского наречия» П. А. Дилакторского¹³ и др.

⁷ Там же.

⁸ *Моисеев И.И.* ПомОрьска ГовОря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

⁹ *Вилегодская говоря.* Сборник местных слов, выражений, прозвищ, сказок, пословиц и поговорок / Е. Байбородина, Н. Полушина. М., 2007.

¹⁰ Ярким примером является и современный, составленный через полвека после Романа местными энтузиастами, «Устьянский народный словарь». (Устьянский народный словарь / Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Силина и др. Пос. Октябрьский, 2013).

¹¹ *Словарь живого поморского языка* в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. — 455 с.

¹² *Подвысоцкий А.И.* Словарь областного архангельского наречия: в его бытовом и этнографическом применении / А. Подвысоцкий. М., 2012.

¹³ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 года (2006).

Среди словарей краеведов нами отмечено и другое явление. Приведем несколько конкретных примеров, позволяющих включить эти «словари» в контекст проблем фольклоризма.

Интересным, на наш взгляд, кроссжанровым краеведческим сочинением являются книги уроженца д. Горка Малопинезья П. А. Худякова «Говор и быт Мало-Пинежья»¹⁴, устьянского краеведа М. И. Романова «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской волости»¹⁵. Отметим, что подобная жанровая форма, очевидно, была распространена на Севере. Достаточно указать на подобного рода произведения: Засухин С. Е. «Самородное слово. Словарь слов и выражений Выйско-Ильинской, Гавриловской и Малопинезжской волостей. Верхняя Тойма»¹⁶, словарики, входящие в качестве приложений в произведения других жанров, например: северодвинского краеведа Д. С. Кокориной¹⁷ и др.

«Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской — Дмитриевской волости» — не просто сборник диалектной лексики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.

Обратимся к структуре словарной статьи. Например, об известном фольклорном образе в заговорах:

«**Алатырь камень** — встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: *На синём мори-окияне / на том острове на буяне....* Это заговорное слово, несомненно, обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня *ал, алый* — *алый заревой*. От него же существительное *алость, ало́та и ало́тынь* (см. дальше — М. Р.). Последние — превосходная степень *алости, зарёвости*. Это предположение находит

¹⁴ Архангельский областной краеведческий музей. Ф. 3. Оп. № 3, № 173 (машинопись). Киров, 1966–1978 г. Автор — Худяков Платон Алексеевич, уроженец деревни Горка бывш. Сольвычегодского уезда, Горьковской волости, Вологодской губернии (по новому административному делению: Верхнетоемского района Архангельской области. Адрес: 610002, г. Киров, ул. Свободы, д. 152, кв. 2). Далее — Худяков.

¹⁵ РО ИРЛИ. Ф. 66. Романов. Оп. 5. Рукопись в 4-ку. Словарь Устьянских говоров. Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила в 1986 г. (№ 52). 338 с. Включает также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (с. 339–347); 2; Очерки М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950).

¹⁶ Засухин С. Е. Самородное слово. Словарь слов и выражений Выйско-Ильинской, Гавриловской и Малопинезжской волостей. Верхняя Тойма, 2011.

¹⁷ Кокорина Д. А. Деревня моя, очень древняя — дальняя. Котлас (без даты, 1997?); Кокорина Д. А. Малая Пинежка (очерки краеведа). Котлас, 2000–2001; Кокорина Д. А. Деревенька моя незабвенная. [Котлас], 2014.

опору в яфетических языках. Гурейское — *алион — заря*. Абхазское *танча — тча — атча* — женская ипостась солнца»¹⁸.

В качестве отдельной словарной статьи может быть представлен фольклорный персонаж — **«Бабушка Соломонидушка, Христова повиваленка** — персонаж из заговорных слов, употребляемых, главным образом, при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась «звериная силушка». Древним прототипом её была всего вероятнее, богиня земли *Земляница, Землянушка: Бабушка Соломонидушка, / Христова повивалёнка / Сидит на золоте стуле / Дёржыт камфарнойё блюдо / На том блюде — золоты ключи / Отпират она ими святые ступеньцы...»*

Или следующая статья, включающая текстуальный контекст известного песенного рефрена из колыбельной песни:

«Бай, байки, баеньки, баю, баюшки — в колыбельных песнях: *Баю-бай, баю-бай, / Байки-баюшки-побай / Спи-ко Ваня усытай, / Со анделами, / Со арханделами...*(из колыбельной песни)».

Или статья, представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов:

«Баня невесты — последнее перед свадьбой мытьё невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами».

Или составитель включает слова, в статье о которых содержится попытка этимологического анализа:

«Барабать — лапать, хватать голыми руками (швед. *bar* — голый, *rapp* — удар)»; «*Баракша (нижнеустьянское)* — дикий, неотёсанный (*Эка баракша дикая*) (зап.-фин. *parrakas* — бородатый)».

В качестве словарной статьи может быть объяснение значения отдельных слов фольклорной стилистики:

«Бедно — обидно, горько. *Бедно стало до слёз / Бедно мне да забедно, / Бедно показалось...* (из причета)».

Или, статья, включающая мифологические объяснения словесного образа, например: «*Божья дуга — радуга*. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья пророк, то радуга считается дугой — Ильи пророка»¹⁹.

¹⁸ Алатырь, латырь — в рус. средневековых легендах и фольклоре камень, «всем камням отец», пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами. Легенды об А. восходят к представлениям о янтаре как обереге (ср. назв. Балтийского моря — Алатырское море). В Стихе о Голубиной книге и рус. заговорах А. («бел-горюч камень») ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана, на острове Буяне; на нем стоит мировое древо, или трон, святители, сидит девица, исцеляющая раны; из-под него растекаются по всему миру целебные реки и т. п. — *Энциклопедический словарь*. Славянская мифология. М., 1995. С. 31.

¹⁹ Ср.: «а) *Радуга — лук, дуга, арка*. По мифическому представлению древних индийцев, радуга есть боевой лук Индры, с которого этот бог-громовержец пускает свои молниеносные

Романовым приводятся слова и целые речевые выражения только в одной грамматической форме. Часто наивные мифопоэтические толкования фольклорных лексем и устойчивых словоупотреблений или отдельных фольклорных образов содержат попытки исторического анализа и уведут составителя от собственно лингвистических задач Словаря. Словарь Романова превращается в многожанровое сооружение, эклектичное и фрагментарное по структуре — источниковедческим «сводом», лишенным серьезной методологической базы.

Таким образом, Словарь местного говора, составленный краеведом, становится еще одним базовым инструментом в его фольклористических изысканиях как самостоятельный жанр краеведческих сочинений.

И далее.

П. А. Худяков существенно расширяет содержание своего «Словаря». Вначале дается историко-экономический очерк Малопинежья без ссылок на источники, в основном опираясь на собственные наблюдения и знания. «Откуда и когда появились первые жители в Малой Пинежке, как тогда называли нашу местность в старых летописных сказаниях? — Первожителями Верхней Пинеги была языческая чужь белоглазая, существовавшая, судя по другим северным народностям, еще задолго до нашей эры. Жили они мелкими родовыми группами, распыленными по берегам рек и речек, занимаясь главным образом

стрелы, поражая демонов тьмы (тучи)... В наших древнейших памятниках она обозначается словом *дуга*. У нас оно употребляется для обозначения части круга и упряжного снаряда, у сербов — согнутой для бочки доски; *дужка* — полукруглая рукоятка, перевесло (у ведра, корзины, посуды) и ключица, соединяющая грудную кость с плечевой. Отсюда справедливо будет заключить, что слово *дуга* в древнейший период языка было синонимическим *луку* (*излучина* — кривизна, *лукоморье* — изгиб морского берега, *лукавый* — криводушный) и в отношении радуги имело тождественное с ним значение... Наши предания дают Перуну, вместе с молниеносными стрелами, и огненный лук; доселе уцелевшая в народе поговорка: «Ах ты, радуга-дуга! Ты убей мужика» — ясно намекает на древнейшее представление радуги — Перуновым луком, с которого пускались смертоносные стрелы...

Не может быть сомнения, что слово *ра-дуга* есть сложное, и первая половина его есть только характеристический эпитет, соединяемый с этою небесною дугою; в областном говоре слово это произносится *рай-дуга*... Первая часть слова — *ра*, по нашему мнению, стоит в родстве с санскр. коренным звуком *р*, заключающим в себе понятие быстрого движения, равно прилагаемое и к свету, и к текущей воде, к бегу коня и полету птицы... Отсюда понятно, что *Ра*, древнейшее имя Волги, означает собственно текучую воду, реку; ср.: сибир. *разгорок* — холм, курган на роднике, архангельское — *рада* — мокрое место в лесу...

Близкая связь радуги с дождем выразилась в следующем мифическом сказании, какое существовало еще у римлян и какое можно услышать от поселян повсюду на Руси:

а) радуга берет или пьет из земных озер, рек, колодцев воду и потом, в виде дождя, посылает ее обратно на землю. <...>

б) *Радуга* — коромысло. <...>

в) *Радуга* — змей. <...>

г) *Радуга* — кольцо, головная повязка, пояс. <...>

д) *Радуга* — мост». — *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи / Подгот. текста и коммент. Ю. М. Медведева, вступ. ст. Б. Н. Кирдана. М., 1983. С. 99–101.

охотой и рыбной ловлей, позднее, по мере общения с русскими, и сельским хозяйством»²⁰.

Обращается к излюбленной теме о чуди другой местный краевед Д. А. Кокорина, ссылаясь на публикации Вологодских губернских ведомостей: «В Сольвычегодском уезде в приходе Ильинском, волости Гавриловской, из народных преданий известно, что выходцы из жившей здесь чуди под влиянием прибывших в край новгородцев согласились на совершенную оседлость. И поныне существует деревня Чудиново на берегу Пинеги. У этой чуди имелись свои правители — «князьки», и будто бы на горном холму при деревне Вахтинской находился княжий дворец, а за рекой Выей — его владения, в числе которых и поныне существует поле Княжево»²¹.

В настоящее время выделено более сорока слов, которые касаются разных сторон хозяйственной деятельности, например: *очас* — борона, *чап* — молотило, *сарби* — стог сена, *козель* — прялка и другие слова.

Тема чудского влияния в этногенезе верхнепинежского населения является «сквозной» в сочинениях краеведов и явно привносит момент отчуждения авторов от собственно местного фольклорного континуума, т. к. приобретение этих знаний связано с осознанным стремлением сконструировать «нормативную» историю места, или «память места», используя в качестве источников известные местные устные предания и легенды.

В качестве источников используются также фольклорные материалы: «Анализируя фольклорные материалы — рождественские хороводы — “Окол-Дону”, музыкальные рожки, сделанные из ивовой дудочки и берестяного рога, на которых играл автор в детстве, сегодня оказавшиеся у музыкального ансамбля на народном празднике “Тульский Тимоня”, не раз показанном по центральному телевидению и другие материалы, дают основание полагать, что переселенцы второго потока были высланы, из Тульской губернии, с верховьев Дона в частности»²².

Чудское влияние автором отражено в списке слов, по его мнению, чудского происхождения (около 650 лексических единиц)²³ и специально составленном Приложении «Книжные свидетельства, легенды и предания о пребывании чуди белоглазой в Двинском бассейне»²⁴.

²⁰ Худяков. С. 7.

²¹ Кокорина Д. А. С. 11–12. «Сохранились предания о чуди, записанные 3 апреля 1880 года в газете “Вологодские губернские ведомости”».

²² Худяков. С. 13.

²³ Чтобы выявить и конкретизировать иноязычное чудское влияние на русский говор, автором составлен словарь диалектных слов (прилагается ниже), в котором записано «650» диалектных слов Мало-Пинежья, а потом, уже пользуясь своей методикой (см. ниже «язык чуди»), автором сделана попытка составить список слов чудского происхождения. — Худяков. С. 15.

²⁴ Приложение включает выписки из различных книжных источников и публикаций, содержащих сведения о чуди (Н. А. Криничная, П. А. Попов, О. Ларин, Г. Я. Сими́на,

И все же основным источником Словаря явилась память самого П. А. Худякова, обостренная ностальгическим чувством по «малой» родине, которую он покинул еще в юности²⁵. Он пишет: «Работая над словарем старого поколения, мне представилась возможность попутно отразить в нем некоторые черты древнего крестьянского быта и не со слов других, а то, что видел, осмыслил, испытал на себе лично, сам»²⁶.

Поэтому собственно словарные статьи не ограничиваются только приведением общеупотребительных лексических форм местного говора и их семантики²⁷, а зачастую представляют собой своеобразную «миниатюру» из быта и истории местного населения или «меморат» из жизни составителя словаря. По сути, включение в словарную статью разного рода кратких сведений исторического, этимологического, собственно фольклорного и т. п. характера провоцировало автора на более развернутые формы повествования, которые включены в главу 4 — «Суеверия и предрассудки», или к составлению целого раздела 5 — «Фольклор. Песни».

В словарных статьях мы находим разного рода сведения, в том числе, этимологические экскурсы:

Например, слово **Вехоть**²⁸: «Тряпка для мытья пола. Корень этого слова “веха”. При дележке общественного луга по границе пожни ставилась высокая веха (стожар), глядя на которую делался по траве брод. Чтобы отличить свою веху от смежных, иногда на расстоянии до полкилометра, в вершине вехи привязывалась своя яркая тряпка и получившая название вехоть»²⁹.

Антропологические комментарии, основанные П. А. Худяковым на собственных наблюдениях за жизнью жителей Малопинезья:

Икота. «Тяжелая нервная болезнь от порчи и самовнушения. Считалось, что икота садится колдуном и развивается в груди больного в виде маленького

Г. Гунн), а также устные предания, сохранившиеся в памяти самого автора, см.: Худяков. С. 111–117.

²⁵ «Главным же источником для словаря послужила собственная память, крепко и детально зафиксировавшая всех людей, окружавших меня в детстве и ранней юности, их говор, их действия и события. И за многие годы пенсионных раздумий, обращения в далекое прошлое — память выдала все, что знал о своей Малой Родине. Время неумолимо движется вперед. Старый быт и говор, под стремительным натиском современных средств информации (радио, кино, телевидение) и социалистического переустройства деревни, — уходит, предается забвению. Вторгается новый быт, новая речь, новые понятия». — Худяков. С. 15.

²⁶ Худяков. С. 15.

²⁷ «В наш словарь диалектных слов мало-Пинежья входят не только слова, родившиеся в недрах местного говора, но и слова широко распространенные во всем Двинском бассейне и далеко за его пределами». — Худяков. С. 70.

²⁸ Ср. АОС: вехоть, м. 1. Мочалка (из травы, лыка, рогожи), тряпка для мытья посуды, деревянных изделий или пола. — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовоной. Вып. 1–15. М., 1980–2014.

²⁹ Худяков. С. 24.

человечка. Во время приступа он истерично кричит детским нутряным голосом. У каждого пораженного икотой свой раздражитель: то налимя голова, то церковное пение «Иже херувимы» и т. д.»³⁰.

Или вот как дает П. А. Худяков описание рождественских игрищ молодежи: «**Имешки**. *Рождественские игрища молодежи в избе*. Как же проводились игры? Девушки в праздничных платьях сидели на передних лавках. С прибытием парней одна из них (заводило) выходила и выбирала себе парня. Взявшись рука за руку, прогуливались по избе взад и вперед, от лавки до полатного бруса под пение сидевших девушек: “Ах, вы сени, мои сени, сени новые мои! Сени новые кленовые, решетчатые”. По окончании песни уже парень выбирал девушку, и вновь прогуливались по избе под пение частушек и так поочередно выходили в круг до тех пор, пока каждая девушка не побывает в кругу “на смотринах”. После запевок выходили “Окол Дону”. Схватившись за руки, участники хоровода ходили “змейкой” по избе, весело распевая: “Еще во-лузях, еще во-лузях. Еще во-лузях, зеленых во-лузях. Ра-а-стет трава, ра-а-стет трава, растет трава, трава шелковая”. Набор игр был скуповат. После хоровода вновь возвращались к запевкам: поочередно выходили на середину избы и, беседуя, парочка прогуливалась под пение частушек, сопровождаемое звуками гармошки: “Хорошо играет-то, так и подымает-то. Миня сиротиночку, нехто не приголубит-то” (частушка). Плясать было не принято, считалось непристойным. В рождественские праздники молодежь разъезжала по имешкам разных деревень, в масленицу по ледяным горкам, в старинных скачках-саях, украшенных цветной жестью и яркими тканями, под звон колокольцев под высокой расписной дугой и заводила знакомства, выбирая себе невесту. Частенько к обоюдной радости родителей дело завершалось свадьбой. И все же наибольшее число свадеб игралось не зимою, а в дни летних престольных праздников, перед началом страдных работ»³¹.

Явно по запомнившимся с детства забавам у Худякова появилась словарная статья, очень близкая к собственно этнографическому описанию: «**Качель**. Устраивалась парнями деревни к пасхальным праздникам. К перекладине на высоких столбах прикреплялись витые березовые кольца, а к ним березовые шести, внизу стянутые поперечиной. Качались стоя попарно или в одиночку»³².

Иногда словарная статья напоминает описание обрядового действия, полагаю, не без влияния белорусской традиции, воспринятой от множества переселенцев.

Так, например: «**Коледа**. Ранним рождественским утром предприимчивые подростки ходили по деревням с коледой рождество славить. *Коледа*

³⁰ Худяков. С. 28.

³¹ Худяков. С. 28–29. Довольно развернутая этнографическая справка, в отличие от С. Е. Засухина: «Имушки — зимние посиделки в старопрежние времена». — *Засухин*. Словарь. С. 35.

³² Худяков. С. 30.

представляла собой вращающийся цветной, нарядный круг диаметром 65–70 см, по ободу оклеенный длинными бумажными язычками, по форме отдаленно напоминавшие лучи светящейся звезды. В центре — картинка Богородицы с младенцем и внутри по ободу прикреплены свечи. Когда начиналось слово славословие свечи зажигались, а звезда вращалась под пение славословов. Сначала пели тропарь «Рождество твое Христе Боже наш», а потом разные песнопения, из которых остался в памяти один припев «Виноградь, красно, зеленое». По окончании 4-минутной программы, умиротворенные хозяева дарили певчим шаньги и пироги»³³.

Записи могли включать фольклорные «мемораты» (былички, суеверные рассказы), рассказанные (записанные) от имени «автора» Словаря. Подобный прием следует рассматривать как один из способов дистанцирования от собственного повествования, чтобы подчеркнуть объективность сказанного.

Речь идет о статье **«Колдовство. Способность некоторых людей с помощью таинственных средств причинять вред людям или избавлять от него.** Приведем несколько фактов из этой области, свидетелем которых был сам автор»³⁴. В первом рассказе подросток Худяков рассказывает о местном колдуне Васке Шуре («Шурике») и его власти над животными³⁵. Эти детские впечатления он сохранил на всю жизнь, так и не нашел для себя их объяснения, тем самым оставаясь в системе местных представлений как их непосредственный носитель. Подобные биографические рассказы следует рассматривать как механизм саморефлексии традиции, в основе которого лежит автобиографическая память носителей фольклорного знания. И подобные рассказы следует признать как проявление «памяти места», они формировали фонд фольклорных знаний носителей традиции.

В жанровом отношении эти, в общем-то, устные мифологические рассказы в письменном виде представляют собой своеобразный автобиографический очерк или воспоминание. Таковым является типичный для устной традиции («Не находя каких-либо объяснений этому широко бытовавшему таинственному явлению и в других регионах Севера, не лишнему интереса для будущих потомков...») рассказ о том, как колдун «закрыл дорогу» свадебному поезду³⁶; или, о том, как колдуны «закрывали домашнюю скотину»³⁷.

³³ Худяков. С. 30. У Засухина вообще не упоминается.

³⁴ Худяков. С. 32.

³⁵ Худяков. С. 32–33.

³⁶ Худяков. С. 33–35.

³⁷ Худяков. С. 32–39 («3. Из мести, зависти и другим неблагоприятным причинам, колдуном, владевшим секретами черной магии, домашняя скотина закрывалась, для глаз человека делалась невидимой. Например: корова стоит за деревней в чистом поле, рядом люди ходят, а она закрыта и невидима для глаз человека. По просьбе пострадавшего, другой добрый колдун, дабы замолить грехи свои перед господом, открывал и возвращал животное в руки хозяина. Таким добрым и последним колдуном в нашем крае была Елена с Выи из Симаковых.

В воспоминаниях автора (оформленных в отдельную словарную статью) заметное место занимают его личные наблюдения об исполнителях, таких, как Степка Битка: «Расскажем о пантомимах по впечатлениям автора, видевшего представление Степки Битки на пирушке на тему «Как Степка Битка рябка стрелял»³⁸.

Следующим небольшим очерком («статьей», как называет сам автор) является очерк «Суеверия и предрассудки». Худяков начинает свое повествование с этимологических разысканий слова «суеверие»: «Слово суеверие имеет два корня — всуе и вера. Слово «всуе» церковно-славянское, означает ложь. Следовательно, в дословном переводе означает ложная вера». «В этой статье хочется записать все суеверия, предрассудки, с которыми встречался в детстве и отметить их влияние на меня в детстве, юности и зрелом возрасте. Велика была их роль в формировании поведения и сознания людей того времени»³⁹.

Интерес вызывают сведения о суевериях, связанных с камнями: «Камни, видите-ли, приносят в дом болезнь, что от камней можно зачахнуть и умереть»⁴⁰.

Суеверия о нечистой силе Худяков связывает с нарушением запретов и правил сельского общежития и «неписаного» семейного кодекса: «Надежным средством, ограждающим человека от нечистой силы, служило родительское благословение». Оно даже сложилось в отдельный очерк «О благословении и проклятии родителей», в котором явно прослеживается художественное начало этого очерка, стилистический разноречивый, много прямой речи, описаний природы, рассуждений, что приближает его к жанру бытового рассказа: «Путь закрыт, кругом ни души, лишь в сумеречном освещении незримо витала передо мною смерть в белом саване, с косой на плече и оскалом хищным зубов»⁴¹. Кроме того, рассказ о Паше охотнике является своеобразной «инсталляцией» рассказа В. Астафьева «Бойе».

Таковы же по преимуществу сочинения местной писательницы и краеведа (как она себя официально позиционирует) Кокориной Д. А. «Деревня моя, очень древняя — дальняя»⁴²; «Малая Пинежка (очерки краеведа)»⁴³; «Деревенька моя незабвенная»⁴⁴. К числу авторов, которые публикуются в местных изданиях, относится С. Е. Засухин «Самородное слово. Словарь слов и выражений Выйско-Ильинской, Гавриловской и Малопинежской волостей».

Не находя каких-либо объяснений этому широко бытовавшему таинственному явлению и в других регионах Севера, не лишенному интереса для будущих потомков, приведу описание обряда раскрытия тайны». И далее).

³⁸ Худяков. С. 61.

³⁹ Худяков. С. 79.

⁴⁰ Худяков. С. 80.

⁴¹ Худяков. С. 79–80.

⁴² Кокорина Д. А. Деревня моя, очень древняя — дальняя. Котлас, (без даты, 1997?).

⁴³ Кокорина Д. А. Малая Пинежка (очерки краеведа). Котлас, 2000–2001.

⁴⁴ Кокорина Д. А. Деревенька моя незабвенная. [Котлас], 2014.

Все три книги Д. А. Кокориной связаны между собой по теме и содержанию. Очерки «Древняя культура и быт Пинежской деревни», «Топонимы (поля, луга, лесные угодья)», «Объяснение названий деревень Малой Пинежки», «Гидронимы Малой Пинежки», «Краткий словарь непонятных Пинежских слов» и др.

В равной степени к диффузным в жанровом отношении повествованиям следует относить и сочинения С. Е. Засухина «Самородное слово», в котором собрано более 1700 «местных» слов.

Помимо собственно лексической формы и значения слова словарная статья, иногда с уточняющими деталями и нюансами этнографического характера, содержит подобранные составителем из разных источников (в том числе печатных) поговорки, пословицы, загадки и др., например: **«Пинжаки, пинжахи** — пинежане, жители р. Пинеги. — *Здорово, пинжак! — Я ведь не пинжак, а маленько пальтишко*».

Отметим, что Словарь Засухина вместе с тем представляет собой яркое проявление фольклоризма.

Итак, определяющей чертой сочинений под условным названием Словарь местных краеведов является отсутствие «чувства жанра» как в письменной, так и в устной традиции. Их «творчество» оказалось в сфере бессистемных и хаотических соприкосновений «личного» и «коллективного», и вместе с тем, эти тексты, несомненно, несут знание о народной традиционной культуре и творческих потенциях и стратегиях современных носителей традиции.

Генетически структура таких повествований напоминает известные древнерусские справочные книги «азбуковники», статьи которых носили зачастую энциклопедический характер. Более того, в фольклористической исследовательской практике конца XVIII — начала XIX в. были распространены справочно-энциклопедические издания по народной культуре, типа «Абевеги русских суеверий...» М. Д. Чулкова (М., 1786)⁴⁵; «Справочный энциклопедический лексикон» под ред. Ф. Толля (Домовой, Духи стихий, Кикимора, Колдовство, Леший, Перун, Порча, Пятница, Русалка, Славянская мифология и т. п.)⁴⁶ и другие справочно-энциклопедические издания⁴⁷. Однако в нашем случае Словари краеведов преследовали все же другую цель — показать особенности местного говора и быта. Кроме того, вряд ли краеведы вообще были знакомы с такими редкими изданиями, в их сочинениях нет ни одной отсылки на них.

⁴⁵ *Абевега русских суеверий* идолопоклоннических жертвоприношений свадебных простонародных обрядов колдовства, шеманства и прочая. Сочиненная М. Ч., иждивением Ф. Гиппиуса. Москва, типография Ф. Гиппиуса, 1786 год.

⁴⁶ *Настольный словарь* для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон) / Сост. под ред. Ф. Толля. СПб.: Тип. и литография Паульсона и комп., 1864. Т. 2. С. 75, 102, 455, 506, 745. Т. 3. С. 72, 178, 250, 362, 479 и т. п.

⁴⁷ *Русский фольклор*. Библиографический указатель 1856–1880 / Сост. А. И. Васкул. СПб., 2017. С. 290–394.

Составление Словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно — стремление показать отличие своих говоров от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов. И это массовое увлечение на местах — несомненный признак «саморефлексии» народной традиции и особая форма фольклоризма. Именно фольклоризм вместо ориентации на известные жанровые традиции и формы помогает формировать повествование на основе не стилистических признаков, а стилевой направленности культуры, т. е. фольклоризма. Назовем такое проявление фольклоризма **стилевой доминантой** в культуре. Стилевая доминанта и азбучное расположение статей подобного рода авторских нарративов дает возможность для творчества их составителей и создания индивидуальных жанровых модификаций и форм, расширяя границы понятия фольклоризма.

Литература

- Абевега русских суеверий* идолопоклоннических жертвоприношений свадебных простонародных обрядов колдовства, шеманства и прочая. Сочиненная М. Ч., иждивением Ф. Гиппиуса. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786.
- Архангельский областной словарь* / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15. М., 1980–2014.
- Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избранные статьи / Подгот. текста и коммент. Ю. М. Медведева, вступ. статья Б. Н. Кирдана. М., 1983.
- Вилегодская говоря.* Сборник местных слов, выражений, прозвищ, сказок, пословиц и поговорок / Е. Байбородина, Н. Полушина. М., 2007.
- Головин В. В., Николаев О. Р.* «Узелковое письмо» фольклоризма литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // *Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов.* Сборник научных статей. М., 2013. С. 49.
- Горелов А. А.* К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // *Русский фольклор.* Т. 19. Л., 1979. С. 33.
- Засухин С. Е.* Самородное слово. Словарь слов и выражений Выйско-Ильинской, Гавриловской и Малопинежской волостей. Верхняя Тойма, 2011.
- Кокорина Д. А.* Деревенька моя незабвенная. [Котлас], 2014.
- Кокорина Д. А.* Деревня моя, очень древняя — дальняя. Котлас [без даты, 1997?].
- Кокорина Д. А.* Малая Пинежка (очерки краеведа). Котлас, 2000–2001.
- Моисеев И. И.* Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- Настольный словарь* для справок по всем отраслям знания. (Справочный энциклопедический лексикон) / Сост. под ред. Ф. Толля. СПб.: Тип. и литография Паульсона и комп., 1864. Т. 2. С. 75, 102, 455, 506, 745. Т. 3. С. 72, 178, 250, 362, 479.
- Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия: в его бытовом и этнографическом применении. М., 2012.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 2003. С. 23–24.
- Русский фольклор.* Библиографический указатель 1856–1880 / Сост. А. И. Васкул. СПб., 2017. С. 290–394.

- Словарь живого поморского языка* в его бытовом и этнографическом применении. Петро-
заводск: Карельский научный центр РАН, 2011.
- Словарь областного вологодского наречия*. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 года
(2006).
- Устьянский народный словарь* / Под ред. А. А. Истомина, В. П. Мамонова, В. П. Силина
и др. Пос. Октябрьский, 2013.
- Энциклопедический словарь*. Славянская мифология. М., 1995. С. 31.

References

- Abevega russkikh sueverij* idolopoklonnicheskikh zhertvoprinoshenij svadebnyh prostonarodnyh obrjadov koldovstva, shemanstva i prochaja. Sochinennaja M. Ch., izhdiveniem F. Gippiusa. M.: Tip. F. Gippiusa, 1786.
- Arhangel'skij oblastnoj slovar'* / Pod red. O. G. Gecovoj. Vyp. 1–15. M., 1980–2014.
- Afanas'ev A. N.* Drevo zhizni: Izbrannye stat'i / Podgot. teksta i komment. Ju. M. Medvedeva, vstupit. stat'ja B. N. Kirdana. M., 1983. S. 99–101.
- Enciklopedicheskij slovar'*. Slavjanskaja mifologija. M., 1995. S. 31.
- Golovin V. V., Nikolaev O. R.* “Uzelkovoe pis'mo” fol'klorizma literaturno-fol'klornogo vzaimodejstvija v russkikh literaturnyh tekstah Novogo vremeni // Navstrechu Tret'emu Vserossijskomu kongressu fol'kloristov. Sbornik nauchnyh statej. M., 2013. S. 49.
- Gorelov A. A.* K istolkovaniju ponjatija “fol'klorizm literatury” // Russkij fol'klor. T. 19. L., 1979. S. 33.
- Kokorina D. A.* Dereven'ka moja nezabvennaja. [Kotlas], 2014.
- Kokorina D. A.* Derevnja moja, ochen' drevnjaja — dal'njaja. Kotlas, [bez daty, 1997?].
- Kokorina D. A.* Malaja Pinezhka (očerki kraevedy). Kotlas, 2000–2001.
- Moiseev I. I.* Pomor'ska Govorja. Kratkij slovar' pomorskogo jazyka. Arhangel'sk, 2005.
- Nastol'nyj slovar'* dlja spravok po vsem otasljam znanija (Spravochnyj enciklopedicheskij leksikon) / Sost. pod red. F. Tollja. SPb.: Tip. i litografija Paul'sona i komp., 1864. T. 2. S. 75, 102, 455, 506, 745. T. 3. S. 72, 178. 250, 362, 479 i t. p.
- Podvysockij A. I.* Slovar' oblastnogo arhangel'skogo narechija: v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. M., 2012.
- Putilov B. N.* Fol'klor i narodnaja kul'tura. SPb., 2003. S. 23–24.
- Russkij fol'klor*. Bibliograficheskij ukazatel' 1856–1880 / Sost. A. I. Vaskul. SPb., 2017. S. 290–394.
- Slovar' oblastnogo vologodskogo narechija*. Po rukopisi P. A. Dilaktorskogo 1902 goda (2006).
- Slovar' zhivogo pomorskogo jazyka* v ego bytovom i etnograficheskom primenenii. Petrozavodsk: Karel'skij nauchnyj centr RAN, 2011.
- Ust'janskij narodnyj slovar'* / Pod red. A. A. Istomina, V. P. Mamonova, V. P. Silina i dr. P. Oktjabr'skij, 2013.
- Vilegodkaja govorja*. Sbornik mestnyh slov, vyrazhenij, prozvishh, skazok, poslovic i pogovorok / E. Bajborodina, N. Polushina. M., 2007.
- Zasuhin S. E.* Samorodnoe slovo. Slovar' slov i vyrazhenij Vyjsko-Il'inskoj, Gavrilovskoj i Malopinezhskoj volostej. Verhnjaja Tojma, 2011.